

Евгений Деменок

ОДИССЕЯ МОЕЙ СЕМЬИ

Когда многочисленные иногородние друзья просят меня рассказать им о настоящей Одессе, я обязательно говорю:

— Я родился в типично одесской семье. Я на четверть еврей, на четверть поляк (тут я немного лукавлю, во мне есть и чешская кровь), на четверть русский и на четверть украинец. Мой папа живет в Нью-Йорке, двоюродный брат в Чикаго, а тетя — в Нюрнберге.

В разговорах между собой мы часто ругаем свой город и власти. В разговорах с гостями мы так расхваливаем Одессу, что иногда накатывает слеза умиления и ностальгии.

Мы уверены, что все великие люди мира, если и не родились в Одессе, по крайней мере у нас жили, или бывали, или мечтали об этом.

А еще мы уверены, что все дороги ведут в Одессу. Так случилось и с моей семьей.

Мне кажется, этого вполне достаточно для того, чтобы понять, кто такие настоящие одесситы и что такое Одесса.

* * *

«Одесский листок», 26 февраля (10 марта) 1883 года

Крейсер «Петербург» вышел из Марсели в прошлую субботу и на этих днях ожидается в Одессу. Немедленно по приходу сюда, «Петербург» начнет готовиться к отходу со второй партией переселенцев, которая должна прибыть через несколько дней. Рассчитывают, что к 10 марта «Петербург» успеет принять груз и отойти из Одессы.

* * *

Я всегда думал, что одесская история нашей семьи началась весной 1944-го, когда дедушка Соломон, военный врач, вместе с первы-

ми советскими войсками вошел в освобожденный город и остался тут вместе со своей частью. Позже к нему приехала бабушка Таня, оставшаяся вместе с трехлетней дочерью — моей тетей Людой — в эвакуации в Баку, в городе, немного похожем на Одессу. Именно в Баку бабушка и дедушка, студенты медицинского института, встретили друг друга. В Баку в августе 1941-го родилась моя тетя, а папа родился уже в Одессе — в сентябре 1945-го. Так что я горжусь своим званием одессита во втором поколении.

В Одессу дедушка Соломон прибыл в чине капитана и получил сразу после окончания войны майора. Карьера его в Одессе сложилась успешно — и это не удивительно, учитывая его, выражаясь казенным языком, «профессиональные и личностные характеристики», — за исключением одного маленького эпизода, когда всю семью весной 1953 года чуть было не выслали на Курильские острова — конечно же, по делу врачей. А за два года до этого дедушку перевели в Котовск — человеку с фамилией Штейн было тогда неприлично работать военным врачом в Одессе. Счастливую точку во всей этой истории совершенно неожиданно для себя поставил мой папа, которому было тогда восемь лет. Перед отъездом на Курилы всем членам семьи нужно было пройти медицинское обследование, которое должно было подтвердить, что дальневосточный климат не будет для них пагубным. У папы очень кстати выявили вдруг простуду — причем такую, которая ну никак не позволяла уехать из наших благодатных южных краев. Учитывая, что в те годы «решить» вопрос с врачами в сегодняшнем понимании было категорически невозможно, случившееся можно считать чудом, произошедшим на фоне ослабления «еврейского вопроса» после недавней смерти Сталина.

* * *

«Одесский листок», 1 (13) марта 1883 года

Прибытие крейсера «Петербург». В воскресенье утром, в Одессу прибыл из Марселя крейсер Добровольного флота «Петербург», совершивший переход из Константинополя до Одессы в 20 часов и делавший по 14,7 узлов в час. Из Константинополя крейсер вышел 26 февраля в 9 ½ часов утра, а в Одессу прибыл 27 февраля в 5 ½ часов утра, причем, по случаю сильного тумана, «Петербург» сделал большой круг, пройдя дальше Дофиновки.

Со вчерашнего дня «Петербург» стал готовиться к отходу с переселенцами, которые на днях должны прибыть в Одессу.

* * *

День смерти Сталина мои родители помнят до сих пор — столько плачущих одновременно людей им, видимо, больше не довелось увидеть. Папа помнит, как специально выделенный взрослый проводил его из школы домой, на Чичерина, 7. Папину мужскую 39-ю школу объединили потом с женской школой, что на Маразлиевской между Базарной и Успенской. Тогда она располагалась на Энгельса, между Кирова и Чичерина.

Я, кстати, и сам много лет не мог привыкнуть к «новым» старым названиям улиц.

* * *

«Одесский листок», 4 (16) марта 1883 года

Отход из Одессы пароходов на дальний Восток. Как мы уже сообщали, 8 марта из Одессы отходит крейсер «Кострома», на котором отправляется 60.000 пуд. переселенского груза и семейства ссыльно-каторжных, добровольно следующие на Сахалин. 10 марта отойдет крейсер «Петербург» со второй партией переселенцев и частным грузом; все приспособления для помещения переселенцев уже окончены... Таким образом, в нынешнем году из Одессы отходит на Дальний Восток семь пароходов, чего прежде еще не бывало.

* * *

«Еврейский вопрос» сопровождал нашу семью всю «советскую» жизнь. Даже в нашем городе было не так уж много военных врачей с «пятой графой». А ведь дедушка был не просто врачом — в шестидесятых он стал заведующим рентгенологическим отделением нашего 411 военного госпиталя, а потом и главным рентгенологом Одесского военного округа. И на ежегодных встречах главных рентгенологов военных округов, проходивших обычно в столицах советских республик, — а было их, рентгенологов то бишь, на всю страну человек восемнадцать, — он со своей типично сефардской внеш-

ностью вызывал, конечно же, повышенный интерес и внимание. А если еще учесть, что выпивать он не любил и спиртное переносил с трудом... В общем, выход был один — юморить. И дедушка возил с собой маленькую, совсем маленькую книжечку, в которой было записано множество анекдотов. Причем записаны они были в сокращенном виде, вот так, например: «П. ск. В.И.— и. в ж.!» Умеющий думать да поймет.

Дедушка руководил рентгенотделением госпиталя до 1973 года, потом демобилизовался и ушел работать «на гражданку» — в 10-ю горбольницу. Конечно же, рентгенологом. И даже через много лет после смерти дедушки, когда родители приводили меня на обследование в 10-ю больницу, двери кабинетов раскрывались перед нами без очереди — дедушку Соломона любили и помнили.

* * *

«Одесский листок», 8 (20) марта 1883 года

Прибытие второй партии переселенцев. В воскресенье, в 11 час. 20 мин., с поездом железной дороги прибыла вторая партия переселенцев, в числе 735 душ. После прихода поезда на вокзал приехали г. управляющий канцелярией г. генерал-губернатора д.с.с. А.А. Корнилов и г. полицмейстер Я.И. Бунин. На вокзале все переселенцы были подвергнуты врачебному осмотру, причем все оказались здоровыми. С вокзала переселенцы были отправлены для размещения в полицейские участки и казармы. Завтра, переселенцы будут посажены на крейсер «Петербург», где в 2 часа назначено напутственное молебствие, а послезавтра, 10 марта, крейсер отойдет из Одессы в дальний вояж.

* * *

Вообще по папиной части корни у меня удивительные. Прапрадедушка Исай, живший в Белоруссии и бывший вполне земным человеком и зажиточным мельником, родил прадедушку Леву — непутевого бродягу, жившего зачастую случайными заработками и кочевавшего по всей черте оседлости, а после революции — и за ее пределами. Прабабушка Софья любила его и терпела, а география их перемещений видна в дедушкиных анкетах и автобиографиях —

Украина, Ташкент, Казань, Ленинград... Дедушку они родили в Алчевске и в конце концов осели в Баку, на родине прабабушки.

По бабушкиной линии все еще интереснее — бабушка происходила из польского дворянского рода Квятковских. В семье бытует легенда о том, что в Сибирь Квятковские были сосланы за поддержку Польского восстания 1830–31 годов. Как бы там ни было, бабушкин прадедушка, Александр Васильевич, родившийся в семье потомственных дворян Витебской губернии, по собственной просьбе был переведен в 1835 году на службу в Томскую губернию, где дослужился до чина титулярного советника, а в 1860 году был назначен почетным смотрителем Томского уездного училища. Женатый на дочери купца Тимофея Боровкова, одного из первых основателей золотых приисков в Енисейской губернии, он и сам, выйдя в отставку, завел золотоносные прииски. Его жена, Аполлинария Тимофеевна, была кузиной известного томского золотопромышленника и мецената Ивана Дмитриевича Асташева, коллежского советника, члена томской масонской ложи «Восточного светила», одним из основателей которой был декабрист Гавриил Степанович Батеньков. Гавриил Степанович был частым гостем в томском доме Квятковских, которые активно общались с политическими ссыльными. Живший тогда в Томске Михаил Александрович Бакунин тоже чувствовал себя у них как дома — до такой степени, что женился на племяннице Александра Васильевича, Антонине Ксаверьевне Квятковской. У них родились трое детей — сын и две дочери, София и Мария. Мария стала профессором химии в Неаполитанском университете, у Софии в браке с хирургом Джузеппе Каччиополли родился сын Ренато, ставший знаменитым математиком и антифашистом.

Видимо, атмосфера вольнодумства была в доме ощутимой — двое из сыновей Квятковских (в семье было семь сыновей и три дочери), Александр и Тимофей, стали революционерами. И это несмотря на то, что Александр Васильевич, в отличие от брата Ксаверия, всячески соблюдал «приличия» — принял православие и к своим ссыльным соотечественникам относился настороженно, опасаясь подозрений в симпатиях к «бунтовщикам».

Самый известный из сыновей, Александр Александрович Квятковский, мой двоюродный прапрадедушка, после раскола партии «Земля и воля», состоявшегося при активном его участии, стал одним из основателей секретной террористической группы «Свобода

или смерть», а затем и «Народной воли», войдя в ее Исполнительный комитет. За участие в подготовке двух покушений на императора Александра II он был приговорен к повешению в Петропавловской крепости вместе с другими четырьмя активными участниками знаменитого «Дела шестнадцати». Несмотря на ожидаемый приговор, мой прапрадедущка выступил на процессе с программной революционной речью. Александр помиловал трех из пяти приговоренных, и 4 ноября 1880 года, в 8 часов 10 минут утра, на Иоанновском равелине Петропавловской крепости повешены были только двое: социалисты-революционеры Александр Александрович Квятковский и Андрей Корнеевич Пресняков.

Эта казнь не остановила других Квятковских — революционной деятельностью продолжили заниматься сестра Юлия, много лет прожившая в Кишиневе и основавшая первую в Бессарабии глазную клинику, и брат Тимофей, а потом и сын самого Александра — тоже Александр Александрович. «Мой милый, дорогой мальчик, целую тебя тысячу раз. Не могу сказать тебе — старайся походить на меня. Но скажу тебе: уважай то, что я уважал, и люби то, что я любил. Это тебе мое отцовское завещание. Мать тебе объяснит это», — писал Александр Квятковский в предсмертной записке своему сыну. Сын сделал все, чтобы походить на отца. Он стал участником Первой русской революции, искровцем, входил от большевиков в состав ЦК РСДРП, был близким товарищем Красина и Рыкова, тесно общался с Лениным и возглавлял в начале 20-х в Англии крупную советскую внешнеторговую компанию «Arcos Ltd.», имевшую даже свой собственный банк. Кончилось все, конечно же, плохо — в 1925-м он был отозван в Москву и в 1927-м приговорен к 10-летнему тюремному заключению.

В середине 60-х мой папа со своим двоюродным братом Вячеславом Квятковским, гуляя по Питеру, зашли в Петропавловскую крепость и решили разыграть директора музея, рассказав о том, что они — по поручению бабушки — пришли узнать, почему в крепости до сих пор не установлен памятник их легендарному родственнику. Узнав фамилию родственника, директор начал так усердно оправдываться перед юношами за это недоразумение, возникшее по причине недостаточного финансирования музея, что им стало совершенно неловко.

Прямые мои предки по папиной линии политической деятельности предпочли научную. Прадедущка Михаил Тихонович после

окончания Императорского университета святого Владимира в Киве работал преподавателем учительской семинарии в воспетых Гоголем Великих Сорочинцах Полтавской губернии. В 1914 году вместе с директором семинарии, А. К. Волниным, он переехал в Полтаву и поступил учителем математики в только что открытый Полтавский учительский институт, одним из первых студентов которого был Антон Семенович Макаренко. В общем, прадедушка был педагогом у великого педагога.

Позже, уехав из Полтавы в Подмоскowie, он продолжил преподавательскую карьеру, стал профессором математики и заслуженным гидрометеорологом СССР.

Именно в Полтаве и появилась на свет моя бабушка. Ее брат, дедушка Женя, стал выдающимся геохимиком, профессором, заведующим кафедрой в Ленинградском горном институте, воспитавшим сотни учеников; а дедушка Волик, он же Всеволод Михайлович, был доцентом кафедры электротехники того же ЛГИ. Родившийся до революции дядя Волик (так называет его папа, так привык называть и я) еще был записан в родословную книгу как потомственный дворянин.

* * *

«Одесский листок», 11 (23) марта 1883 года

Напутственное молебствие на крейсере «Петербург».

Вчера в 2 часа дня на крейсере добровольного флота «Петербург» преосвященным епископом Неофитом было отслужено напутственное молебствие для переселенцев, отправляющихся в Южно-Уссурийский край. На молебствии присутствовали его высокопревосходительство г-н одесский генерал-губернатор ген.-ад. И. В. Гурко, управляющий канцелярией генерал-губернатора д. с. с. А. А. Корнилов, инспектор добровольного флота М. В. Вахтин и др. лица. Крейсер отошел в начале пятого, при весьма пасмурной погоде и густых хлопьях снега. Всех переселенцев 806. Сопровождает их чиновник мин. внутр. дел г. Плеске, который по приезде на место назначения (во Владивосток) займет там должность секретаря переселенческой конторы.

* * *

После окончания восьми классов папа пошел работать слесарем в ОТТУ — Одесское трамвайно-троллейбусное управление, а по вечерам учился в школе рабочей молодежи. Дедушка с бабушкой перестраховывались — поступить в институт сразу после школы парню с фамилией Штейн было в те годы, в начале 60-х, непросто. Совсем непросто. К тому времени прошло почти восемьдесят лет с тех пор, как в российских учебных заведениях была принята так называемая «процентная норма» для учащихся-евреев, и все вернулось на круги своя. Интересно, что процентная норма началась именно с Одессы — после прошедших в конце 1880 года в некоторых гимназиях беспорядков попечитель Одесского учебного округа Н. А. Лавровский предложил Александру II ограничить прием евреев в средние учебные заведения нормой в 10 процентов. Спустя три года одесский генерал-губернатор Иосиф Владимирович Гурко в своем докладе уже Александру III смягчил предложение Лавровского — он говорил уже о 15 процентах или проценте, равном отношению количества местного еврейского населения к общему количеству населения данной местности. Что для Одессы, собственно, означало почти треть учебных мест.

Папа в конце концов поступил на радиотехнический факультет Политехнического института. Факультет был тогда, в 60-х годах, на пике моды.

* * *

Телеграмма из Одессы в Иркутск, Генерал-Губернатору, от 10 марта 1883 года.

«794 переселенца и двенадцать ходоков отправились сегодня на пароходе «Петербург».

Подписал: Генерал-Адъютант Гурко.

* * *

Почти до самого окончания Политеха в 1966 году папина семья — дедушка, бабушка, папа с сестрой и даже прабабушка Катя, окончившая когда-то Смольный, — жили в легендарном доме номер 7 на

Чичерина. В фасадной части дома жили шесть профессорских семей. С главами двух из них — ректором Сельхоза Мельником и профессором Добролюбским — дедушка Соломон крепко дружил. С Добролюбским их свела общая страсть к книгам. А еще в этом доме жила легендарная Кира Муратова. Папа вспоминает ее как довольно сварливую барышню — еще бы, ведь они, забираясь на крышу готовиться к экзаменам или любоваться одесским заливом, грохотали прямо у нее над головой.

* * *

Несколько лет мы с родителями жили на Черемушках, в дедушкиной с бабушкой квартире, в которую они переехали уже в середине семидесятых. Самый большой интерес для меня там представляла дедушкина огромная библиотека — он был заядлым библиофилом и покупал, кажется, все выходявшие в те годы собрания сочинений. Мне довелось даже составить полный каталог этой библиотеки — на это ушло больше месяца. Книги в глубоких шкафах стояли в три, а иногда и в четыре ряда, и каждый раз для меня открывались все новые и новые сокровища. Вы же знаете, каково это — разбирать книги. Неизбежно начинаешь их пролистывать, потом читать... И только огромным усилием воли я возвращал себя к рутинному процессу переписи.

* * *

Дома у дедушки Миши, — а в его с бабушкой Тоней доме я и вырос (это родители моей мамы) — книг было гораздо меньше. Благодаря этому я и сейчас помню почти все их названия наизусть. Зато на книжных полках было множество тех милых вещиц, которые как раз больше всего и запоминаются ребенку, поражая его воображение. Игрушечная карета с желтыми шторками и встроенной внутрь лампочкой, которая так загадочно светилась по вечерам. Фарфоровые олени, которым бабушка говорила время от времени: «Олени, олени, покатайте Женю». Веселые маленькие клоуны — солонка и перечница. Наводившая на меня ужас маленькая фаянсовая голова мужчины с длинным-длинным носом... Мужчина этот как-то особенно улыбался — загадочно и нехорошо. Голову вставляли в от-

крытую бутылку, и из носа в бокалы лилось вино или — для меня — лимонад. А еще — непонятная черная керамическая то ли свистулька, то ли обломок подсвечника... «Дедуля, а что это такое?» — спросил я однажды, долго рассматривая эту штуковину под разными углами. «Это чубук», — ответил дедушка. О том, что такое чубук и как он попал в наш дом, я узнал гораздо позже.

* * *

«Одесский листок», 18 (30) марта 1883 года

Крейсер «Петербург» благополучно прибыл 16 марта в Порт-Саид; переселенцы и команда здоровы. На крейсере отправились 521 человек взрослых, 150 от 4 до 10 лет, 71 от 2 до 4, 42 моложе 2-х лет и 22 грудных.

* * *

О том, что дедушка Миша родом с Дальнего Востока, я знал с раннего детства. Он часто рассказывал мне о своей семье, жившей в селе с таким непривычным нашему уху названием Майхэ; о братьях и сестрах, которых у него было множество — дедушка был младшим, четырнадцатым ребенком в семье. Из его рассказов Приморский край представлялся мне диковинной благодатной землей, прародиной всех Деменков. Там среди сопок текли полноводные реки, изобиловавшие рыбой, земля давала небывалый урожай, в уссурийской тайге водились медведи и тигры и росли диковинные растения с необычными свойствами. И действительно — попробовав впервые настойку лимонника, присланную нам родственниками из Владивостока, я ощутил себя атлантом, способным не только держать на себе земной шар, но еще и играть им в футбол. А еще наша прародина была просто-таки переполнена красной икрой. Да-да, ее тоже присылали нам время от времени далекие родственники.

Дедушка научил меня считать до десяти по-корейски. Встретившись много позже с профессором из Сеула, я продемонстрировал ему свои умения. «Действительно, так считают на севере», — сказал мне профессор.

* * *

Томск стал первым пересечением — в пространстве, не во времени,— моих корней, моих источников. Семнадцатилетний дедушка Миша поступил в Томское артиллерийское училище. Как жаль, что я не записывал его рассказы... Только недавно я понял, что участвовать в настоящей войне ему пришлось уже в девятнадцать — на Халхин-Голе, во время военной операции против японцев. Медаль «30 лет Халхин-Гольской победы» я помню с детства, а вот соотносить дедушкин возраст и время этой локальной войны догадался только сейчас...

Дедушка стал кадровым военным. Прошел войну от первого до последнего дня, начав ее под Брестом и закончив в Кёнигсберге. Оборонял Ленинград, воевал на Невской Дубровке. Во время обороны Ленинграда познакомился с бабушкой Тоней, служившей связисткой. Бабушка родом из-под Ораниенбаума, в ней смешана русская и карело-финская кровь. Каким-то чудом туда затесались и чехи. В детстве говорила со своей мамой, моей прабабушкой Федосьей Матвеевной, на финском. Прабабушка Феня родила бабушку Тоню в сорок восемь лет. Это был ее первый и единственный ребенок. Я до сих пор поражаюсь, как такое могло произойти, хотя десять раз изучал бабушкины документы...

Увы, считать до десяти на финском бабушка меня не научила.

* * *

Карьера военного в советское время означала постоянные переезды. Мама, родившаяся незадолго до конца войны в Сибири, куда дедушка отправил бабушку — подальше от фронта,— в детстве сменила восемь школ. Дедушку переводили из части в часть почти каждый год. Цюрупинск, Симферополь, Потсдам, Ананьев, Николаев, Ленинград, Рауховка под Одессой и, наконец, Одесса. В Одессу первой приехала мама — в 1962 году, заканчивать школу. Бабушка с дедушкой перебрались в 1965 году — дедушка преподавал в Одесском общевоинском командном училище.

Так встретились во времени и пространстве две ветви моей семьи.

С раннего детства я каждое лето путешествовал вместе с бабушкой и дедушкой. Самой первой поездкой как раз и был Ленинград —

мне было тогда шесть. Потом — новые города. Рига, Минск, Тбилиси, Киев, Москва, Ереван... И — предвкушение главной поездки. На родину дедушки. На Дальний Восток. Когда мы поехали туда, мне было уже пятнадцать.

* * *

Село Штыково (Майхэ), расположенное в живописной долине реки Артемовки (Майхэ), основано 13 апреля 1883 года переселенцами из Полесских сел Черниговской губернии. Это были георгиевские кавалеры русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

* * *

Именно в Майхэ мы и приехали. Жили у дедушкиного брата Степана, в том самом родительском, выросшем в землю и пропахшем сыростью доме, в котором дедушка вырос и откуда уехал учиться. Там я впервые попробовал сливовую брагу, буквально свалившую меня с ног; там с огромной овчаркой, которую приручил за пару дней, гулял по окрестным лугам, распугивая доверчивых коров, а в реке оказалось настолько сильное течение, что меня, привыкшего к спокойным морским купаниям, снесло на добрых полкилометра вниз — выбраться удалось чудом.

Я привык к тому, что в Одессе мы одни. Мы — это Деменки. Фамилия настолько редкая, что у нас нет однофамильцев — только родственники. Но это в Одессе. Теперь-то я знаю, что исторически почти все Деменки — родом из бывшей Черниговской губернии. Село Деменка и сейчас существует — в Брянской области, в России. В Белоруссии есть два села Деменка — в Гомельской и Могилевской областях. Да чего уж там — село Деменка есть и около Ясной Поляны, именно в нем жил одно время Владимир Григорьевич Чертков, друг, редактор и издатель произведений Льва Николаевича Толстого. В Украине, в Полтавской области есть село Деменки. «К селу примыкает большое болото», — пишет Википедия. Такое же болото примыкало и к селу Кожаны Суражского района Черниговской губернии, в котором жили мои предки до отъезда на Дальний Восток. Но и там от болота уйти не удалось — река Майхэ часто разливалась, смывала посеы и заболачивала землю. Мы гуляли у реки, и дедушка пока-

зывал мне старое кладбище — точнее, то, что от него осталось; Майхэ разливалась, меняла русло и смывала могилы. Мне было жутковато представлять себе плывущих вниз по реке покойников. А на новом кладбище меня поразили ряды могил и памятников с нашей фамилией. Майхэ действительно стало новым родовым гнездом Деменков. Ну, а фамилия наша произошла от крестильного имени Дамиан. Помните Косму и Дамиана?

Где-то через неделю мы уехали в Анучино, к сыну Степана, Михаилу Степановичу, о котором дедушка рассказывал мне еще дома. Дедушкин племянник работал лесником, но настоящей его страстью было сочинительство. Его книги — о животных, об Уссурийской тайге — даже входят в учебную программу российских школ. Михаил Степанович водил нас по тайге, показывал места, где встречал тигров, и я наконец увидел, как растет лимонник. А по вечерам он читал нам отрывки из своей будущей книги — о русских первопоселенцах в Приморском крае. Отрывки сложились потом в роман-трилогию «У залива Виктория». Тогда я впервые узнал, что вся дедушкина семья попала в Майхэ морским путем — на пароходе, вышедшем из Одессы. В последний вечер Михаил Степанович спросил у дедушки, сохранил ли тот дедов чубук.

— Конечно, — ответил дедушка и достал из кармана завернутую в платок ту самую свистульку, о которой я расспрашивал его в детстве. — Всю войну он был со мной.

* * *

Обратно мы летели самолетом — из Владивостока в Одессу. С тремя пересадками, шестнадцать часов. Времени было вполне достаточно для того, чтобы узнать у дедушки загадку чубука.

— Когда я уезжал в Томск учиться, отец подарил мне дедов чубук. Чубук этот турецкий, дед Аким привез его с русско-турецкой войны, из Болгарии. Родители дали мне его как амулет — наверное, чувствовали, что мне придется воевать. Дед Аким и его брат Михаил были Георгиевскими кавалерами, воевали под началом генерала Скобелева.

Я потом часто и подолгу разглядывал чубук. Даже пытался использовать его по прямому назначению — тайком от дедушки. Он и сейчас лежит на книжной полке — только уже у меня дома.

* * *

Прошло много лет, прежде чем я начал серьезно интересоваться историей семьи. Нет, конечно же, во время поездки на Дальний Восток я даже составил семейное древо — нарисовал его в тонкой тетрадке в клетку. Где она теперь? Уезжать тогда не хотелось — покрытые зеленью сопки и бухта Золотой Рог настолько поразили меня, что я даже — полупуштя, полусерьезно — предложил дедушке оставить меня там, во Владивостоке. Ну правда — что может быть лучше моря? Только море и горы.

В сорок лет у мужчин случается не только кризис среднего возраста. Происходят еще и другие странные вещи. Во-первых, начинает хотеться больше отдавать, нежели брать. Во-вторых, просыпается интерес к своим корням — предкам, родным, городу, в котором родился и живешь. И вот, совершенно случайно, лежа с айпадом в гостинице после напряженного командировочного дня, скользя по океану интернета и ныряя в его глубины — недаром для поисков там используется английский глагол *surf*, — я вынырнул с потрясшей меня информацией. Я нашел полный список своих родных, отправившихся во Владивосток из Одессы на пароходе «Петербург» 10 марта 1883 года.

После этого на два месяца я пропал. Нет, тело мое исправно ходило на работу и делало все остальные нужные и привычные вещи. А вот ум и воображение были там — сначала в Черниговской губернии, откуда первопоселенцы отправились в Одессу, затем с ними в сорокадневном переходе через Индийский океан и затем на новом месте, в новой жизни — в Уссурийском крае.

Об организации переселения подробно рассказывает второй том «Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью», который так и называется: «Переселение русских людей в Приамурский край». Издан сборник в Иркутске в 1884 году по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Дмитрия Гавриловича Анучина. В третьем выпуске его рассказывается о «кругосветном переселении в Южно-Уссурийский край и устройстве там 1-й партии переселенцев, отправленной из Одессы в 1883 году». Вот в этой-то партии и прибыли на Дальний Восток мои прапрабабушка и прапрадедушка.

История в письмах, телеграммах и отчетах о кругосветном переселении читается как приключенческий роман, основными героями которого являются ходоки (осенью 1882-го на пароходе «Нижний Новгород» во Владивосток отправились выбранные общинами хо-

доки, разведчики, которые должны были определить пригодность нового края для проживания и найти места для поселения), сами переселенцы и несколько ключевых фигур, которые, собственно, все организовали: сам генерал-губернатор Анучин, надворный советник Буссе, чья должность так и называлась — заведующий переселением в Южно-Уссурийском крае; военный губернатор Приморской области Баранов и ... одесский временный генерал-губернатор Гурко.

Да-да, без Одессы никак не обошлось даже такое, казалось бы, далекое от нее дело, как переселение на Дальний Восток.

* * *

О русских первопоселенцах в Приморье написаны многочисленные исследования, статьи, книги. Еще бы — они фактически были пионерами края, именно с них начинались первые русские династии. Точнее, не совсем русские — скорее украинско-белорусские. Тогдашняя Черниговская губерния захватывала часть территории нынешних Украины, Белоруссии и России. Фамилии переселенцев красноречиво говорят об их национальной принадлежности: Автушенок, Дорошенок, Кратенок, Буренок, Коноваленок, Герасименок, Приходько, Цыганок, Пономаренок, Савостенок... Ну, и мои прапра — Деменок и Шелупайко.

* * *

«Прибывшие переселенцы — уроженцы местности, представляющей переходную полосу между белорусами и малороссами, что и отразилось на составе партии. Преобладание первой народности над второю замечается по внешнему виду, большинство людей малорослые и белокурые».

Из «Отчета Заведующего переселением в Южно-Уссурийском крае о прибытии и водворении партии переселенцев 1883 года и положении новых поселений к 1 ноября 1883 года».

* * *

Судьба сделала свой виток. Дедушка, чьи родители уплыли в «кругосветное» путешествие на Дальний Восток из Одессы, в конце концов в нее вернулся.

Возможно, Михаил и Аким Деменки так быстро решились на переселение, потому что им уже знакомы были морские путешествия — и именно на судах «Доброфлота». Ведь пароходы Доброфлота «Россия», «Москва» и «Петербург» перевозили весной 1878 года русских солдат и офицеров из Турции на родину — после окончания победоносной войны и освобождения Болгарии. За эту первую операцию «Добровольный флот» отблагодарил лично император Александр III — своей резолюцией «Спасибо за хорошее начало».

Возможно, с ними вместе плыл в Одессу и герой войны, освободитель Софии и будущий временный Одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа Иосиф Владимирович Гурко.

Собственно, даже Антон Павлович Чехов возвращался в 1890-м году из своей знаменитой поездки на Сахалин не куда-нибудь, а именно в Одессу, и тоже на пароходе «Петербург».

* * *

В конце концов две семьи кадровых военных, попавших в Одессу в разное время и разными путями, встретились. Произошло это январским вечером 1967 года в автобусе сто двадцать пятого маршрута, который ехал тогда с площади Мартыновского через пятую станцию Большого Фонтана. Папа вез из починки брюки, и сверток, который он держал в руках, постоянно задевал мамину модную прическу а-ля Бабетта. Так и познакомились. Мама училась тогда в Университете, папа — в Политехе; сразу после института его забрали служить за Полярный круг, в Североморск, на Северный флот. Туда же вскоре после рождения попал и я — родители морозили меня целых полтора года. Тем временем дедушка Миша уехал работать военным советником в Алжир, и перепад температур между местами службы моих родных достиг небывалых высот. А папа тем временем даже собирался остаться на севере — друзья, должность, хорошая зарплата...

Как вы думаете — остался?

Бессмысленно задавать вопрос о том, куда ведут все дороги. Ответ очевиден.

